

*Г.А. Шенгели. Начало 1930-х.
Фото М.С. Наппельбаума. Из собрания А.В. Маринина*

Содержание

<i>В. Э. Молодяков.</i> Средство к материальному существованию	5
<i>А. В. Маринин.</i> «Гудка» забытый представитель	10

Судебные репортажи (1926–1927)

Мастера намыленной петли	27
Карьера Вантуша	35
Царь Кутомарский	38
«Легкая рука»	42
Узел и глаз	44
Крушение поезда на ст. Москва Окт. дор.	50
Лихие ребята	52
«Сердце Сухаревки»	54
Использовали чуланчик.	59
Провокатор Крут	62
«По-благородному»	69
Перелетная птица	71
Зараза	74
Гарем в Москве	77
Супружеская пара	79
Увернулся	83
Потемки быта	86
Папиросник из Моссельпрома	89
Волчонок	92
Дым без огня	95
Тришкин кафтан	97
Квартирные «змеи»	99

Содержание

Оборонился	101
Гуси и РИМ	103
Ловкач	106
Дорвалась	109
Загадочное убийство	111
Война в Калошином переулке	113
Дело братьев Кореньковых	115
Записка мертвого	126
Серовская шайка	130
Клад в кресле	134
Бриллианты в печи	137
«Интеллигентные женщины»	139
Арзамасский гусь	141
Провокатор Мурзин	144
Карьера «Жоржа-матроса»	147
Любитель лошадей	149
Вымогатели	150
Ашитковские Держиморды	152

Очерки и фельетоны о Москве (1926)

Мыльный пузырь	157
Пятое сословие	160
Эпидемия	162
Воскресный рынок	165
Вредная баба	168
Уличные шулера	170
Список публикаций Г. А. Шенгели в «Гудке»	172

Средство к материальному существованию

«Стихи, за редкими исключениями, не могут явиться для поэта средством к его материальному существованию. А с другой стороны, у поэта нет иного источника морального существования, кроме стихов. И если на хлеб он может заработать иным способом, помимо гонорара за стихи, то на моральное пропитание ничем иным, кроме стихов, “заработать” поэт не может». Так сказано в издательском предисловии от 8 апреля 1926 года к коллективному сборнику «Новые стихи», выпущенному Всероссийским союзом поэтов в Москве. Кто написал его, неизвестно. Возможно, это был председатель Союза поэтов Георгий Аркадьевич Шенгели (1894–1956). Автор дюжины поэтических книг, переводчик, действительный член Государственной академии художественных наук, бывший профессор Высшего литературно-художественного института им. В.Я. Брюсова, преподаватель Литературных курсов знал об этом не понаслышке. Ибо при всех заслугах и регалиях один из лучших поэтов эпохи ради хлеба насущного был вынужден служить фельетонистом и судебным репортером знаменитого «Гудка», а до того — исполнять обязанности внештатного сотрудника «Нашей газеты».

В биографии Шенгели, вышедшей в 2016 году, я немного рассказал о фельетонах в стихах и прозе, которые тот печатал под псевдонимом «Платон Ковров», тем самым отделяя их от настоящей литературной деятельности. Надеюсь, они будут собраны, изучены и изданы с надлежащим комментарием. В двадцатые годы такое называли «халтурой» — не в смысле сделанного плохо или

небрежно, как мы понимаем это слово сейчас, но в смысле дополнительного заработка. «Халтурили» многие писатели, даже не прячась под псевдонимом, ибо это не считалось зазорным. В стихотворной повести «Записки поэта» (1928) Илья Сельвинский — знакомый Шенгели — упомянул о том, что «Валя Катаев как раз в это время халтурил в “Красном Сахаре”», как о чем-то само собой разумеющемся, не желая задеть или обидеть еще одного знакомого.

Обязательный для советских газет, включая ведомственные, фельетон оказался востребованным жанром. Бойких перьев было предостаточно: среди них Булгаков, Олеша, Ильф с Петровым, — так что предложение превышало спрос. Шенгели к любой работе относился ответственно и «халтурил» качественно, то есть давал тот продукт, который от него требовали. Это добротная, идеологически безупречная, бойко написанная «поденка», жить которой предполагалось столько же, сколько газетному листу. Фельетонисты не работали на вечность, но представить собрание сочинений Булгакова без «гудковских» текстов уже нельзя.

В отличие от фельетона на бытовые, производственные и даже международные темы, разъясненные партийной пропагандой, судебный очерк требовал юридической подготовки: знания законов, правил и процедуры судопроизводства, терминологии. Шенгели был не просто сыном присяжного поверенного, но выпускником юридического факультета Харьковского университета (1918), пусть не прилежным, ибо в студенческие годы им полностью завладела поэзия, но все же профессиональным юристом. По специальности он не работал, если не считать выступлений в суде в качестве эксперта по вопросам авторского права. Но для работы судебным репортером как «средства к материальному существованию» он был подготовлен.

Подготовила его к этому и богатая приключениями собственная жизнь — не совсем «обыкновенная биография в необыкновенное время». «Комиссар искусств» Севастополя, назначенный туда в мае 1918 года из Харькова, где он возглавлял губернский литературный комитет, Шенгели не успел эвакуироваться перед стремительным приходом белых и остался в городе на нелегальном положении с липовым паспортом, который по просьбе подпольной организации большевиков сделала подпольная организация левых эсеров. Историю своего подполья Шенгели описал в увлекательном романе «Черный погон» (1925–1927), полностью опубликованном лишь в 2018 году в собрании его художественной прозы. Исползованные в биографии материалы, в частности воспоминания большевички Марии Заславской, передавшей ему липовый паспорт во время как бы свидания в парке, подтверждают общую достоверность рассказа.

Другие факты биографии судебного хроникера Шенгели с точки зрения советской Фемиды выглядели просто пугающе, но о них мало кто знал. Его мать происходила из семьи потомственных дворян Таврической губернии. Старшие братья Владимир и Евгений, офицеры Императорской, затем Добровольческой армии, отказались эвакуироваться из Крыма в ноябре 1920 года с войсками П. Н. Врангеля, «зарегистрировались» у красных, как предписывал печально известный приказ № 4 Крымского ревкома от 17 ноября, — и уже в декабре были арестованы и расстреляны. Сам Георгий Аркадьевич с осени 1924 года сидел на чекистском крючке после того, как в июле совершил самоубийственный поступок — публично прочитал в Коктебеле, в доме Максимилиана Волошина, стихи памяти Николая Гумилева, приговор которому писали «накокаиненные бляди». Информация дошла до Лубянки. По тем временам такой поступок грозил не только изгнанием из литературы и потерей любых «средств

к материальному существованию», но высылкой, а то и Соловками. Подробности «сотрудничества» с Лубянкой нам неизвестны, но зная об этом Надежда Мандельштам, жена одного из ближайших друзей Шенгели и человек высочайшей нравственной строгости, в мемуарах вынесла ему оправдательный приговор.

Если газетные вырезки с текстами «Платона Коврова» Шенгели хранил в своем архиве, то о его работе судебным репортером долгое время было известно лишь из письма к поэтессе Марии Шкапской. Работая над биографией, я в этот сюжет не углубился. И тут составитель настоящей книги А. В. Маринин, дальний родственник поэта и неутомимый собиратель материалов о его жизни, сделал настоящее открытие. В находящейся в его собрании автобиографии Шенгели сказано, что он публиковал судебные очерки в «Гудке» под псевдонимом «А. Троль». Получив доступ к комплекту газеты, исследователь взялся за дело — и результат его трудов перед вами. Добавлю, что в конце июля 1945 года Шенгели написал цикл коротких рассказов в жанре «юридического казуса», как озаглавлен один из них; они опубликованы в упомянутом выше собрании его прозы.

Поэзия «не кормила» Шенгели и после ухода с нивы судебного репортажа. Поэтому он, кроме поэтических переводов, ставших основным литературным заработком до конца жизни, во второй половине двадцатых годов преподавал русскую литературу в Симферополе и в Самарканде, в тридцатые писал очерки о «социалистическом строительстве», столь же добротные, как всё, что делал, служил в различных редакциях и издательствах. Одной из таких служб было преподавание в фабрично-заводском училище Народного комиссариата юстиции, где перевоспитывали малолетних правонарушителей. Другим опытом сотрудничества с правоохранительными органами стало участие в коллективном литературном сборнике «Моя милиция»

(1939), едва ли не первом в своем роде. Шенгели дал в него очерк «Отступление ночи» о работе Московского уголовного розыска и тогда же написал поэму «В дежурке» (опубликована посмертно) о буднях отделения милиции, сообщив, что «пришел с внушительным мандатом». От Союза советских писателей и от МУРа — посерьезнее, чем некогда от «Гудка».

«Шенгели — прекрасный поэт и прозаик, но нужна ли нам его “халтура”, даже качественная?» — может спросить читатель. Собранные в этой книге тексты ценны не только тем, *кто* их автор. Тщательно откомментированные репортажи — отличный путеводитель по судебным процессам «лихих 20-х». Очерки и фельетоны — интересный и редкий источник по истории повседневной жизни Москвы в 1920-е годы, увиденной острым глазом и описанной не менее острым пером, хотя и в заданных жанром рамках. И еще: в примечаниях к репортажам таятся неожиданные литературоведческие открытия. Какие? За мной, читатель!

В.Э. Молодяков

Имя Георгия Аркадьевича Шенгели мне было известно чуть ли не с детства — мой отец часто и с большой любовью говорил о нем как о своем учителе. Через два года после смерти Георгия Аркадьевича он написал воспоминания об этом замечательном человеке. В очерке «Мой Шенгели» Арсений Александрович подчеркнул его главные заслуги: «учитель во всем, что касалось стихотворчества», учитель в журналистике...

Книга Шенгели ориентирована на читателей, интересующихся отечественной историей и ищущих нестандартные источники информации. Двадцатые годы — сложный период. После революции, Гражданской войны, перехода к НЭПу в стране отмечался небывалый рост преступности. Судебные репортажи Шенгели превосходно иллюстрируют ее формы на примере столицы. Сцены преступлений зачастую трагикомичны. Чтобы в этом убедиться, достаточно прочитать репортажи «Волчонок», «Война в Калошином переулке». Другая отличительная черта двадцатых — открытые процессы над врагами революции. У Шенгели, разумеется, есть тексты и о таких «судебных разбирательствах».

О том, чем еще интересны репортажи «А. Троля» (таким псевдонимом пользовался Шенгели), сказано в предисловии составителя. Я лишь отмечу, что все они были опубликованы на легендарной, так называемой четвертой полосе газеты «Гудок» и, как демонстрирует эта книга, не оказались навечно затерянными среди прозаических фельетонов Булгакова, Катаева, Ильфа и Петрова, среди стихотворных фельетонов Олеси.

М. А. Тарковская

ISBN 978-5-4469-2018-1

9 785446 920181